

На правах рукописи



АКСЕНОВ Владислав Бэнович

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ
(1914–1917)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Москва – 2020

Работа выполнена в Центре изучения новейшей истории России и политологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской академии наук

**Научный
консультант:**

Булдаков Владимир Прохорович
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центра изучения новейшей истории России и
политологии ФГБУН Институт российской истории
Российской академии наук

**Официальные
оппоненты:**

Бородкин Леонид Иосифович
член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой
Исторической информатики Исторического факультета
ФГБОУ ВО Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Асташов Александр Борисович
доктор исторических наук, профессор Историко-
архивного института ФГБОУ ВО Российский
государственный гуманитарный университет

Репников Александр Витальевич
доктор исторических наук, доцент, заместитель
начальника отдела Центра документальных публикаций
ФКУ Российский государственный архив социально-
политической истории

**Ведущая
организация:**

ФГБОУ ВО Тверской государственный университет

Защита состоится 30 марта 2021 г. в 11 ч. на заседании диссертационного совета Д.002.018.02, созданного на базе ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук по адресу: 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук и на сайте ИРИ РАН: <http://www.iriran.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук



В.С. Батченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Первая мировая война стала событием, на долгие десятилетия определившим векторы развития Европы. Не случайно современные историки связывают с Первой мировой войной крушение западной цивилизации XIX столетия и начинают отсчет «короткого XX века», а также обращают внимание, что «для людей, родившихся до 1914 г., слово „мир“ обозначало эпоху до начала Первой мировой войны»¹. Однако актуальность темы исследования не ограничивается выбранной эпохой, но определяется, прежде всего, самим предметом: общественными настроениями, сделавшими возможным милитаристские, а затем и революционные катаклизмы XX в. Системный подход требует обращения не только к сфере ментальности, сознательного мышления, но и бессознательных чувств, эмоций, аффектов. Нарастание революционных настроений нельзя объяснить одними «объективными» данными, да и в самих революционных взрывах определенная роль принадлежит стихийным факторам. Не менее важным представляется изучение предпринимаемых властями попыток контроля общественного сознания, их патриотической политики, а равно отношение к этой политике со стороны широких социальных слоев. Взаимодействие рациональных стратегий политических акторов и эмоциональных реакций общественных групп на них демонстрирует определенные алгоритмы самоорганизации общества в русле развития революционных настроений. Исследование общественных настроений россиян в 1914–1917 гг., их структуры и динамики, позволяет не только глубже осмыслить переломную для российской истории эпоху столетней давности, но и лучше понять современность.

Объектом диссертационного исследования является российское общество периода Первой мировой войны и революции в качестве

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991. М., 2004. С. 32.

определенного поколения эпохи «смуты», носившего характерные психологические черты; **предметом** – общественные настроения Российской империи, в которых отразились как осознанные отношения россиян к войне, власти, повседневности, так и не всегда артикулированные чувства, эмоции. Понятие «общественные/массовые настроения» употребляется в науке достаточно давно. С его помощью определяются те или иные политические симпатии народа, вместе с тем подчеркивается их временный, подчас стихийный характер.

В российской историографической традиции изучение настроений связано, прежде всего, с трудами В.О. Ключевского. Так, описывая настроения общества после Смуты, историк охарактеризовал их с помощью таких категорий, как тревога, страдание, терпение, недовольство, раздражительность, впечатлительность, тем самым подчеркнув их чувственно-эмоциональную природу². На рубеже XIX–XX вв. изучение общественных настроений получило толчок в работах по социально-исторической психологии. Г. Лебон основополагающими элементами «психологии масс» называл как рациональные идеологические конструкции (политические, религиозные), так и иррациональные чувства, эмоции³.

В отличие от распространенного в наше время термина «менталитет», размывшегося на протяжении его изучения в XX в., понятие «общественные настроения» кажется более предпочтительным, во-первых, потому что связывает исследование с конкретным обществом определенного периода истории, во-вторых, представляется актуальным с учетом перспектив развития эмоциологического направления в истории. В сравнении с ментальностью коллективные настроения отличаются большей динамичностью, подвижностью, а потому лучше передают отношение тех

² См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. СПб., 1904.

³ См.: Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.

или иных социальных групп к меняющимся событиям социально-политической истории.

Следует отметить, что в современной социально-психологической литературе в качестве универсального термина, описывающего характеристики психологии общественного, коллективного организма, употребляется «массовое сознание». Тем не менее, в ряде работ оно противопоставляется «коллективному сознанию» и «общественной психологии». Определяющим здесь выступает понятие массы (толпы) как специфической социально-психологической общности, в поведении которой большую роль играют стихийные факторы. В этом плане массовое сознание и массовое настроение оказываются не равнозначными, а подчиненными терминами⁴.

В данном исследовании понятия «общественные настроения» и «массовые настроения» употребляются как синонимичные, но не полностью тождественные: термин «массовые настроения» используется как универсальный, а «общественные настроения» – имеющий отношение к конкретному обществу определенной эпохи. Тем не менее некоторые социальные психологи не проводят между ними принципиальных различий, употребляя и третий синонимичный термин – социальные настроения – и даже предлагая именно его в качестве объекта исторических исследований⁵.

Изучение общественных настроений предполагает определение форм их выражения, что имеет особенное значение в исторической науке, так как позволяет уточнить источниковую базу работы. Так, настроения могут иметь ментальные формы, выражаться в символических продуктах творческой деятельности (устные, письменные, визуальные тексты), а также

⁴ *Ольшанский Д.В.* Психология масс. СПб., 2002. С. 20–21.

⁵ См.: *Парыгин Б.Д.* Социальное настроение как объект исторической науки // История и психология. М., 1971. С. 90–105; *Он же.* Социальная психология: проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999.

непосредственно проявляться в социальных действиях, поступках (жестах) людей. Поэтому помимо исследования непосредственно ментальных элементов массового сознания (идеи, слухи, образы, символы), внимание уделено и действенным формам выражения настроений как акции протеста, манифестации (верноподданнические или оппозиционные), погромы и пр.

В диссертационном исследовании учитывается структура «общественных настроений» с точки зрения тех сфер общественной жизни, в которых они формируются: политические настроения (патриотические, революционные и пр.), религиозные (эсхатологические, мистические и т.д.), обыденные (меланхолические, гиперстенические и пр.).

Хронологические рамки диссертации охватывают период с лета 1914 по октябрь 1917 гг. – период от кануна Первой мировой войны (рабочих протестов лета 1914 г.) до октябрьского этапа революции 1917 г. Начало исследования с июня 1914 г. обусловлено тем, что в советской историографии существовала традиция интерпретации рабочих беспорядков в качестве фактора назревания революционной ситуации, которая не привела к революции лишь из-за начала Первой мировой войны, якобы радикально изменила вектор общественных устремлений. Обращение к перлюстрированной корреспонденции современников также показывает, что многие обыватели интерпретировали события начала июля в Петербурге как первые акты революции, писали о «революционном настроении». Между тем, оно эволюционировало от кратковременной патриотической эйфории определенных кругов общества летом 1914 г. к массовой апатии, тревожным предчувствиям осени 1916 г. Ограничение верхней рамки исследования осенью 1917 г. связано с началом в октябре 1917 г. качественно нового этапа «длинной» Великой российской революции – Гражданской войны.

Территориальные рамки охватывают территорию Российской империи, за исключением тех регионов, которые оказывались под неприятельской оккупацией, а также кроме непосредственно самого фронта и

национальных окраин в силу того, что отношение на их территории к верховной власти рядового населения во многом определялось давними этнокультурными противоречиями, конфликтами, что затрудняет вычленение специфических характеристик массовых настроений и требует отдельного исследования.

Тем не менее, обращение к такому источнику как письма и воспоминания солдат, необходимое для сравнения настроений тылового населения и комбатантов, реакций обывателей на неофициальную информацию, поступавшую с фронта и вступающую в противоречие с официальной пропагандой, позволяет реконструировать общий вектор массовых настроений населения России.

Целью исследования является изучение общественных настроений россиян периода Первой мировой войны как системы осознанных (рациональных) ценностей и неосознанных (иррациональных) чувств, эмоций, обладающей собственной динамикой, трансформирующейся под воздействием внешних (военных, политических, социально-экономических) событий. Для этого в диссертации ставятся следующие **задачи**:

1. Изучение протестных настроений кануна Первой мировой войны с точки зрения формирования «революционного настроения»;
2. Анализ патриотических настроений первых месяцев войны в контексте их идейных и эмоциональных составляющих;
3. Выявление особенностей социального поведения различных слоев российского общества на начальном этапе Первой мировой войны;
4. Исследование образов власти и войны в крестьянском политическом дискурсе на материалах уголовных дел, заведенных за оскорбление императора и августейших членов семьи;
5. Изучение пространства массовых городских слухов как зеркала общественных настроений городских слоев общества и выявление их динамики;

6. Анализ причин дискредитации основных составляющих политической символики Российской империи периода Первой мировой войны: образа православной церкви, образа самодержавной власти, народных героических образов;
7. Реконструкция психоэмоциональной динамики общества периода Первой мировой войны и революции 1917 г., выяснение роли стихийных компонентов (слухов, фобий, аффектов).

Степень изученности темы

В отечественной историографии Первая мировая война оказалась заслоненной историей российской революции и Гражданской войны, а впоследствии и Великой отечественной. В зарубежной историографии восточному фронту и, тем более, внутривосточным процессам, происходившим в Российской империи, было уделено недостаточно внимания. Особенно это касается исследования общественных настроений, эпизодически появлявшихся в отдельных работах. Вероятно одной из первых попыток комплексного изучения настроений и образов, мифов о войне стала вышедшая в 1975 г. монография американского ученого Пола Фассела, посвященная опыту фронтового повседневного сознания британских солдат⁶. Она во многом стала предшественницей активно развивающегося в настоящее время такого направления, как исследования исторической памяти⁷. Вместе с тем уже современники Первой мировой войны предпринимали первые публицистические попытки описания динамики массовых настроений общества⁸.

⁶ См.: *Фассел П.* Великая война и современная память. СПб., 2015.

⁷ *Winter J.* Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century. New Heaven; London: Yale University Press, 2006.

⁸ *Кузьмин-Караваев В.Д.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 412–417.

Трудности изучения общественных настроений были связаны как с неразработанностью методологии, сложностью искусственного совмещения социально-психологических и психиатрических теорий с исторической наукой, а также выявлением репрезентативной источниковой базы. Тем не менее, условно существующие исследования можно сгруппировать по следующим направлениям: социально-психологический подход, классовый подход, антропологический подход, история повседневности, история эмоций, исследования исторической памяти. Как частный случай изучения общественных настроений относительно образов внешних и внутренних врагов – имагология.

Социально-психологический подход опирается на достижения психологии толп и психиатрии начала XX в. Уже в годы Первой мировой войны В.М. Бехтерев, П.Я. Розенбах, В.П. Осипов на основе клинических случаев своих пациентов пытались делать первые обобщения о психологическом состоянии общества. Этот подход в годы Гражданской войны развивали Н.И. Кареев (теория интерментальных факторов истории) и П.А. Сорокин (теория социокультурной динамики). Однако по причине недостаточно репрезентативной источниковой базы, методологической неразработанности многим профессиональным историкам подход казался искусственным, поэтому подходы Кареева и Сорокина не привели к формированию собственных школ по изучению Первой мировой войны и российской революции. Тем не менее, как ни парадоксально, в СССР в 1960-х годах предпринимались попытки некоторой ревизии социально-психологического подхода к истории (работы Б.Ф. Поршнева, Б.Д. Парыгина, Г.Л. Соболева)⁹. С 1990-х годов он все чаще применяется в исторических

⁹ См.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; *Парыгин Б.Д.* Общественное настроение. М., 1966; *Соболев Г.Л.* Проблемы общественной психологии в исторических исследованиях // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967; *История и психология.* М., 1971.

трудах¹⁰. Вместе с тем отдельные попытки изучения социально-психологической проблематики сталкиваются с устаревшей методологической базой, определенными клише марксистско-материалистической концепции истории¹¹.

Классовый подход, легший в основу «марксистско-ленинской» историографии, также подразумевал изучение классовой сознательности тех или иных социальных групп. Примечательно, что современные специалисты в области истории эмоций отмечают классовую (и гендерную) обусловленность «структур чувств», оправдывая, тем самым, классовый подход к изучению эмоций¹². Прошедшее в 1964 г. заседание секции общественных наук Президиума АН СССР способствовало росту интереса историков к социальной психологии. Показательно, что в вышедшей в 1975 г. коллективной монографии «История первой мировой войны» под редакцией И.И. Ростунова авторы критиковали отечественных предшественников за недостаточное внимание к проблеме настроений масс¹³. Тем не менее, изучение этих настроений в советской историографии не выходило за рамки известных марксистских штампов о высокой классовой сознательности пролетариата, мелкобуржуазном сознании мещан, шовинизме буржуазии и аристократии. Однако даже в этих вопросах возникали некоторые дискуссии,

¹⁰ См., например: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* 1917. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015; *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012; *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. М., 2010.

¹¹ *Земцов Б.Н.* Революция 1917 г.: социальные предпосылки. М., 1999.

¹² См.: *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, сексе и чувствительности в прежние времена и теперь. М., 2019.

¹³ История первой мировой войны 1914–1918 / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1975. С. 12.

как, например, о степени зараженности столичного пролетариата шовинизмом в первые месяцы войны, в чем расходились М.Г. Флеер, Б. Граве с И. Меницким¹⁴. С.В. Тютюкин предложил компромиссный вариант, отметив, что политические настроения пролетариата летом-осенью 1914 г. еще только выкристаллизовывались¹⁵. Более революционно для советской историографии прозвучали выводы Ю.И. Кирьянова о недостаточной степени классовой сознательности пролетариата, усмотревшего в массовых акциях рабочего протеста не сознательный, а стихийный характер¹⁶.

Хуже обстояли дела с изучением психологии средних и зажиточных слоев. М.Н. Покровский, И.И. Минц противопоставляли (в значительной степени искусственно) теорию «двух заговоров» – царизма (с целью выхода из войны путем заключения сепаратного мира) и буржуазии (с целью осуществления дворцового переворота для расширения собственного влияния) – настроениям широких социальных слоев¹⁷. Более детально массовое сознание буржуазии и аристократии было изучено в трудах Е.Д. Черменского, А.Я. Авреха и В.С. Дякина, не отождествлявших буржуазию с царизмом и выделявших динамику настроений буржуазии в

¹⁴ *Меницкий И.* Революционное движение военных годов (1914–1917). Т. 1. Первый год войны (Москва). М., 1925; *Флеер М.Г.* Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л., 1926; *Граве Б.* К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 – февраль 1917. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926.

¹⁵ *Тютюкин С.В.* Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении в России. 1914–1917 гг. М., 1972.

¹⁶ *Кирьянов Ю.И.* Были ли антивоенные стачки в России в 1914 году? // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 43–52; *Он же.* Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.). М., 2005.

¹⁷ *Покровский М.Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков. М., 1924; *История Гражданской войны в СССР.* Т. 1. М., 1935.

годы Первой мировой войны¹⁸. Одним из первых монографических исследований настроений внутри российского правительства стала работа М.Ф. Флоринского, в которой автор констатировал разногласия как между царем и членами совета министров, так и между различными группами внутри самого правительства¹⁹. На современном этапе изучение настроений царского правительства в годы Первой мировой войны продолжают К.А. Соловьев, В.М. Шевырин, Ф.А. Гайда²⁰.

Советское «крестьяноведение» сконцентрировалось преимущественно на изучении крестьянских восстаний. Ю.П. Бокарев не без сарказма заметил, что, «просматривая бесконечные тома „Крестьянское движение в России“, издававшиеся в 50–60 годы под редакцией Н.М. Дружинина, можно проникнуться убеждением, что состояние непрерывного бунта было нормой крестьянской жизни»²¹. Интерес к крестьянской повседневности реализуется лишь в исследованиях конца XX – начала XXI вв. В.П. Данилов обращал внимание на общинный уклад как основу патриархального сознания

¹⁸ Черменский Е.Д. Россия в период империалистической войны. Вторая революция в России. (1914 – март 1917). М., 1954; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. (1914–1917). Л., 1967; Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

¹⁹ Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988.

²⁰ Соловьев К.А. Взаимодействие Совета министров и представительных учреждений России в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 50–61; Шевырин В.М. Сотрудничество и борьба: власть и общественные организации в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2015. № 1. С. 95–123; Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.

²¹ Бокарев Ю.П. «Умом Россию не понять» (поведение крестьян в революционную эпоху) // Революция и человек. М., 1996. С. 80.

крестьян²². Вместе с тем дискуссионным оказывается вопрос, привела ли Первая мировая война к архаизации или рационализации крестьянского мышления. Если В.П. Данилов, А.В. Гордон настаивают на последнем варианте, то Д.И. Люкшин, О.А. Сухова отмечают сохранение архаичных, традиционных черт ментальности сельских жителей²³. При этом многие специалисты пишут о дискредитации образа Николая II в глазах крестьян в годы Первой мировой войны²⁴.

Отдельное место занимают исследования, посвященные настроениям российского духовенства. Т.Г. Леонтьева, С.Л. Фирсов, В.А. Федоров, П.Г. Rogozный, Г. Фриз обращают внимание на пестроту настроений этого сословия и даже его революционизацию в процессе Первой мировой войны²⁵.

²² Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции. М., 1996. С. 22.

²³ См.: Гордон А.В. Война в крестьянском сознании: преобразование традиций // Русское крестьянство и Первая мировая война: сб. научных статей. М., 2016; Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – нач. XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.

²⁴ Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999; Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

²⁵ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX–XX вв. М., 2002; Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002; Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700–1917. М., 2003; Rogozный П.Г. Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008; Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи. СПб., 2019.

Появляются и конспирологические теории, обвиняющие синодальное духовенство в заговоре против императора²⁶.

Долгое время исследователи обходили стороной динамику настроений творческой интеллигенции. Главным классическим трудом советского «интеллигентоведения» оставалась работа В.Р. Лейкиной-Свирской «Русская интеллигенция в 1900–1917 годах», изданная в 1981 г., в которой историк создавала в соответствии с традицией классового подхода некий образ пролетария художественного труда и тем самым обращала внимание на накапливавшиеся противоречия между творческой интеллигенцией и самодержавием. При этом «забытыми» оказалась и война, и русский авангард. Не лучше обстояли дела в советском искусствоведении. То, что недооценивала советская историография, привлекало внимание западных исследователей. В 1950–1980-х гг. С. Томпкинс, М. Малиа, А. Безансон, Дж. Бёрбанк, Р. Хингли пытались осветить роль российской интеллигенции в революции 1917 г.²⁷ Однако и в этом случае исследования за редким исключением велись вне контекста создаваемой творческой интеллигенцией системы образов – речь шла об интеллектуальной, а не художественной продукции. Частично ситуация была исправлена в работах Х. Яна, А. Коэна²⁸. В отечественной историографии одной из немногих работ

²⁶ *Бабкин М.А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007.

²⁷ *Tompkins S.R.* The Russian Intelligentsia: Makers of the Revolutionary State. Norman, 1957; *Malia M.* What is the Intelligentsia // The Russian Intelligentsia / Ed. R. Pipes. New York; London, 1961; *Besancon A.* The Intellectual Origins of Leninism. Oxford, 1981; *Hingley R.* Nightingale fever: Russian poets in revolution. New York, 1982; *Burbank J.* Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922. New York; Oxford, 1986.

²⁸ *Jahn H.* Patriotic culture in Russia during World War I. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1995; *Stites R.* Days and nights in wartime Russia: cultural life, 1914–1917 // European Culture in the Great War. The arts, entertainment and propaganda, 1914–1918 / Ed. by Aviel Roshwald and Richard Stites. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; *Cohen A.*

последнего времени, посвященных художественной интеллигенции, является монография И.В. Купцовой «Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны», в которой значительное внимание уделено именно представителям изобразительного искусства, исследуется тема структуры и динамики патриотических настроений художников²⁹. Тем не менее, историки редко отваживаются на применение современных методов работы с визуальными образами (семиотическими, иконографическими, иконологическими и др.), отдавая их на откуп искусствоведам. В работах Д.В. Сарабьянова, А.В. Крусанова, В.Д. Дажиной исследуется искусство периода Первой мировой войны, в котором отразились в том числе и настроения эпохи³⁰.

Социально-стратификационный метод хоть и позволяет уточнить структуру политических настроений общества, грешит определенным упрощением проблемы, так как внутри определенных классов встречались противоположные отношения к войне и власти. Вероятно, самым парадоксальным в этом отношении окажется студенчество в силу своих психолого-возрастных особенностей. Поддержка войны у студентов часто сочеталась с оппозиционными и даже откровенно революционными настроениями. С. Морисси обратила внимание, что «выражая готовность выполнить свой гражданский долг в этот трудный час, они (студенты. —

Imagining the Unimaginable: World War, Modern Art, and the Politics of Public Culture in Russia, 1914–1917. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2008.

²⁹ Купцова И.В. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.). СПб., 2004.

³⁰ Сарабьянов Д.В. Русская живопись. Пробуждение памяти. М., 1998; Крусанов А.В. Русский авангард 1907–1932 гг. Исторический обзор. В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. М., 2010; Дажина В.Д. Великая война (1914–1918) и судьбы европейского искусства. М., 2014.

В.А.) надеялись, что наградой за единение во имя победы и отказ от внутренних политических разногласий послужит политическая оттепель»³¹.

Существенное обогащение историографии Первой мировой войны новыми темами произошло благодаря антропологическому повороту в истории³², в результате которого толчок получило изучение настроений широких социальных слоев. Так, в историографии рабочего движения акцент сместился с изучения политических требований на морально-этические, на что обратили внимание Н.В. Михайлов, М. Стейнберг, Л. Хаймсон³³. Переосмыслению подверглись политические символы эпохи, ее язык, скрывавшие дискурсивные смыслы, значения, закрепленные в массовом сознании современников. В работах Б.И. Колоницкого, С.И. Григорьева, О. Файджеса, Дж. Уинтера исследовалась антропология языка и образов Первой

³¹ Морисси С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 291.

³² В опубликованном в марте 2020 г. докладе Вольного исторического общества «Историки в современной России: структура и самоопределение сообщества» на основе проведенного анкетирования российских историков делается вывод о произошедшем антропологическом повороте в отечественной исторической науке (https://volistob.ru/vio-news/istoriki-v-sovremennoy-rossii-struktura-i-samoopredelenie-soobshchestva?fbclid=IwAR3xF7i60O_J12IGQXoSiKdP2sdOJO8RT7TXOjh597c1CdSHLFH0_tviNyU Дата обращения: 27 ноября 2020).

³³ Михайлов Н.В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. СПб., 1997; Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999; Steinberg M.D. Voices of Revolution, 1917. New Heaven; London, 2001; Steinberg M.D. Proletarian Imagination. Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925. Itaca; London, 2002.

мировой и революции³⁴. Изучение последних составило предмет имагологии – анализ образов «чужих» и «своих». В этом направлении ведут свои исследования Т.А. Филиппова, П.Н. Баратов, Е.С. Сенявская, А.В. Голубев и О.С. Поршнева и др.³⁵

Антропологический поворот способствовал также росту интереса историков к эмпирическим исследованиям, о необходимости которых ученые говорили еще в конце XIX в.³⁶ На современном этапе в рамках этого направления изучаются настроения меланхолии в различных сегментах российского общества накануне войны, эмоции страха в сочетании с элементами революционной эйфории и т.д.³⁷

³⁴ Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007; Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; Figs O., Kolonitskiy B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. Yale University Press, 1999; Winter J. Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century. New Heaven; London, 2006.

³⁵ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011; Филиппова Т.А., Баратов П.Н. «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М., 2014.

³⁶ См.: Ланге Г. Душевные движения. Психофизиологический этюд. СПб., 1896.

³⁷ См.: Виноцкий И. Заговор чувств, или русская история на эмоциональном повороте // Новое литературное обозрение. № 117: Семиотика августа в XX веке: трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. 2012; Стейнберг М. Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Ред. Я. Плампер, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010. С. 202–226; Плампер Я. Страх в русской армии в 1878–1917 гг.: К истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 453–460; Аксенов В.Б. «Революционный психоз»: массовая эйфория и нервно-психические расстройства в

Настроения средних социальных слоев обычно изучаются в рамках истории повседневности. В последнее десятилетие появилось немало работ, созданных преимущественно на местных материалах, посвященных будничным заботам горожан, а также отдельных социальных групп Российской империи³⁸. Вместе с тем этому направлению свойственна некоторая методологическая неразработанность, оборачивающаяся в отдельных случаях описательностью в ущерб аналитике³⁹.

Встречается и иное: желание написать глобальную историю настроений 1914 г. приводит к чрезмерному увлечению презентистскими социальными или политическими теориями в ущерб критике источников⁴⁰. В этом случае свидетельства документов подгоняются под заранее выдвинутую гипотезу, а обнаруживающиеся противоречия оправдываются модерными теориями.

1917 году // Великая российская революция, 1917: Сто лет изучения. Материалы международной научной конференции. М., 2017. С. 465–474.

³⁸ См.: Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны). СПб., 2014; *Семенова Е.Ю.* Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012; *Ватник Н.С.* «Германская война» и повседневная жизнь учащихся средних школ России в 1914–1917 гг. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: Материалы Междунар. науч. конф. М., 2014; *Зезегова О.И.* Повседневная жизнь интеллигента в годы Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь России XVII–XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. СПб., 2014. С. 265–270; *Синова И.В.* Повседневная жизнь детей в условиях Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь России XVII–XX вв... СПб., 2014. С. 487–492; и др.

³⁹ См.: *Руга В., Кокорев А.* Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011.

⁴⁰ См.: *Юдин Н.В.* Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. М., 2013.

В юбилейный 2014 г. в средствах массовой информации неоднократно звучал тезис о «забытой войне», подхваченный и некоторыми историками. Эта тема получила развитие в серии работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных исторической памяти о Первой мировой⁴¹.

Главным недостатком большинства работ, за исключением монографий О.С. Поршневой, Б.И. Колоницкого, В.П. Булдакова, А.Б. Асташова, в которых поднимается проблема массовых настроений, оказывается неиспользование массовых источников, что не позволяет объективно исследовать проблему (при этом если О.С. Поршнева в монографии 2004 г. «Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны» давала весьма сдержанные оценки патриотическим настроениям 1914 г., то в последующих работах она попала под влияние источников, относящихся к патриотической пропаганде, что в некоторой степени перечеркнуло ее заслуги работы с массовыми документами). Некоторые авторы, например, констатируют всеобщий патриотический подъем лета 1914 г. на примере нескольких свидетельств из опубликованных воспоминаний современников, игнорируя огромный массив перлюстрированной корреспонденции, отчеты Департамента полиции, Охранного отделения⁴².

⁴¹ Колоницкий Б.И. «Забытая война»? Политика памяти, российская культура эпохи первой мировой войны и культурная память // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти В.Б. Голофаства. / Ред. и сост. О.Б. Божков. СПб., 2015. С. 318–334; Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая Мировая война (Материалы международного научного colloquium) / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 49–57; Cohen A. J. Oh, That! Myth, Memory and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review. 2003. Vol. 62, No 1. P. 69–86.

⁴² См.: Базанов С.Н. Первая мировая. От «войны до победного конца» к «миру любой ценой». М., 2017.

Таким образом, в историографии существует определенная традиция изучения массовых настроений отдельных социальных групп, однако агрегированные настроения российского общества в целом в период Первой мировой войны и российской революции как совокупности сознательных и бессознательных (эмоциональных) реакций еще не становились предметом отдельного комплексного исследования, что подчеркивает особую роль определения источниковой базы и методологических основ диссертационной работы.

Источниковая база исследования включает в себя максимально широкий и репрезентативный круг письменных и визуальных документов, среди которых наибольшей важностью обладают те, которые обнаруживают характеристики массового источника, позволяют изучать настроения большинства населения. Следует напомнить, что в источниковедении нет единства определения массового источника, Б.Г. Литвак, И.Д. Ковальченко, А.К. Соколов предлагали разные дефиниции⁴³, однако в настоящем исследовании речь пойдет о документах с характеристиками массового источника, которые являются результатом повседневных практик и отражают характерные, повторяющиеся черты эпохи. К таковым следует отнести материалы перлюстрации, протоколы дознаний обвиняемых в оскорблении представителей правящей династии в соответствии со ст. 103 Уголовного Уложения, анонимные доносы «бдительных граждан», поступавшие в Департамент полиции МВД, а также визуальные документы – лубочные картинки и плакаты, иллюстрированные почтовые открытки, журнальные иллюстрации, в том числе карикатуры.

⁴³ *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979; *Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко.* М., 1979; *Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. Под ред. А.К. Соколова.* М. 2004.

В процессе исследования использовались документы, не являющиеся массовыми, но позволяющие дополнить картину общественных настроений: это дневники современников и мемуары (всего 114 наименований), различные сведения из периодики (криминальная и светская хроника, вести и слухи, бытовые зарисовки из 60 изданий), газетная и журнальная публицистика, отчеты чинов полиции по результатам наружного наблюдения, статистические данные, в которых отражались социальные процессы (статистика самоубийств, душевных расстройств, конфликтов с представителями власти и пр.). Даже в документах личного происхождения, традиционно относящихся к уникальным источникам, обнаруживаются общие характеристики времени. Еще А.С. Лаппо-Данилевский указывал на то, что в историческом источнике присутствует как авторская индивидуальность, так и общее сознание эпохи, требующее психологической интерпретации⁴⁴. Ко многим источникам применялся квантитативный анализ с целью выстраивания динамики тех или иных процессов, определения частотности явлений.

Среди перечисленных источников особое место в настоящем исследовании занимают сведения по министерству юстиции о нарушениях ст. 103 Уголовного уложения – оскорбление императора и членов августейшей семьи (дела из фондов губернских жандармских управлений Государственного архива Российской Федерации, а также доклады по Министерству юстиции из фонда № 1405, описи № 521, дела № 475 и 476 Российского государственного исторического архива, в общей сложности около 1500 дел). Они интересны в нескольких аспектах. Во-первых, документы из фонда Министерства юстиции, будучи собранными в соответствии с высочайшим повелением от 10 февраля 1916 г. с целью ограничить привлечение к уголовной ответственности, они представляют собой коллекцию сведений, отражающих характерные, массовые практики

⁴⁴ *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Т. 2. М., 2010. С. 66–67.*

населения. Во-вторых, сведения об обвиняемых включают в себя указание пола, возраста, сословной принадлежности, религиозных взглядов, семейного статуса, грамотности человека, что, в случае применения количественного анализа, позволяет составить портрет среднестатистического хулигана власти. В-третьих, содержащаяся информация об избранной мере пресечения или наказании показывает существовавшие судебнорепрессивные практики властей (например, зависимость тяжести наказания от национальной принадлежности обвиняемого). В-четвертых, данный вид источника включает в себя эхо документов иных двух типов – устных источников (в протоколах обвинений упоминаются характерные разговорные выражения, фразеологические обороты, матерная лексика) и фольклорных материалов (нередко обвиняемые пересказывают распространенные слухи, в которых обнаруживается сказочно-фольклорный пласт).

Следует заметить, что интерес к данным источникам возник в конце 1950-х гг. благодаря публикации Л.М. Иванова, рассмотревшего их в источниковедческом ключе⁴⁵. В 1990-е гг. к ним нередко обращались историки (В.Б. Безгин, Ю.П. Бокарев, О.С. Поршнева), изучавшие политическое сознание крестьян в XIX – XX вв. Наиболее полный на сегодня источниковедческий анализ дел по нарушениям статьи 103 Уголовного уложения за 1914–1916 гг. проведен в монографии Б.И. Колоницкого⁴⁶. Тем не менее, в полной мере источниковый потенциал этих документов еще далеко не раскрыт.

Другим важным источником выступают материалы перлюстрации, также давно привлекаемые разными исследователями (по гражданскому

⁴⁵ *Иванов Л.М.* Дела о привлечении крестьян к ответственности по статьям 103 и 246 как источник для изучения крестьянских настроений кануна первой русской революции // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VIII. С. 119–134.

⁴⁶ См.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

ведомству хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде № 102 Министерства внутренних дел, опись № 265, насчитывающие ок. 40 000 документов). З.И. Перегудова, В.С. Измозик, В.В. Шелохаев и К.А. Соловьев отмечают планомерный и массовый характер перлюстрации частной корреспонденции⁴⁷. Перлюстрированную корреспонденцию можно рассматривать в качестве репрезентативной выборки, отражающей массовые настроения. Однако бросается в глаза, что политический язык частной корреспонденции отличается как от политических высказываний, отраженных в протоколах по ст. 103, так и зафиксированных в дневниках современников. Объясняется это тем, что образованные слои общества понимали вероятность того, что их письма будут просмотрены цензором и в некоторых случаях обращались в письмах к цензорам напрямую, делая последних соучастниками обсуждения политических дел в стране. В настоящем диссертационном исследовании используются как перлюстрированные письма по гражданскому ведомству, так и солдат (из Российского государственного военно-исторического архива, фонда военной цензуры при главном почтамте в Петрограде № 13838, опись № 1), при этом следует обратить внимание на то, что с психологической (и источниковедческой) точки зрения их следует отнести к разным группам эпистолярного жанра⁴⁸.

Большой интерес в рамках выбранной темы представляют доносы обывателей в Департамент полиции МВД, также обладающие

⁴⁷ Перегудова З.И. Политический сыск в России. 1880–1917 М., 2013; Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. К.А. Соловьев. М., 2014; Измозик В.С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015.

⁴⁸ Частично письма из фондов ГА РФ и РГВИА опубликованы в книгах: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг...; Письма с войны 1914–1917 / Сост. А.Б. Асташов, П.А. Симмонс. М., 2015.

характеристиками массового источника. По ним можно реконструировать массовые фобии, самая сильная из которых — шпиномания — приобретала характер невротического расстройства (а в некоторых случаях и психического, когда сопровождалась галлюцинациями). Доносы также выявляют издержки патриотической пропаганды. Помимо доносов «бдительных подданных» использовались донесения агентов Охранного отделения. Показательно, что накануне революции 1917 г. они строились вокруг распространенных в обществе слухов, в результате чего власти получали искаженные картины действительности и теряли контроль над ситуацией, что проявилось во властных «конвульсиях» января – февраля 1917 г.

Другим важным источником по изучению как массовых настроений, так и пропаганды периода Первой мировой войны является периодическая печать. В диссертационном исследовании использовался широкий спектр газет и журналов различной политической направленности, как центральных, так и провинциальных. Вероятно, наиболее информативными в контексте исследуемой темы оказывается «желтая пресса»: «Газета-копейка», «Петроградский листок», «Московский листок», «Маленькая газета» и пр. В погоне за сенсациями они поспешно публиковали слухи, отражавшие реальные обывательские страхи.

Учитывая, что некоторые явления массового сознания, например, шпиномания, достигали уровня психического расстройства, в диссертации используется и специальная медицинская периодическая печать – «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии», «Современная психиатрия», «Обозрение психиатрии», «Русский врач», «Журнал Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова», на страницах которых обсуждалась правомерность использования понятий «военный психоз», «революционный психоневроз» и др. применительно к текущим событиям. Так как душевнобольные рассматриваются в качестве некой

лакмусовой бумажки, на которой проявляются наиболее травматичные для массового сознания явления общественной жизни, важным представляется выстраивание динамики душевных расстройств в 1914–1917 гг, с чем помогают периодические издания городских управ: «Ежемесячник статистического отделения петроградской городской управы» и «Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве».

Не обойдены вниманием и официальные «институциональные» издания органов власти и церкви, например, «Ведомости Петроградского Градоначальства», «Известия Петроградской городской думы», различные губернские ведомости, а также церковные издания «Церковный вестник», «Церковные ведомости», «Вестник военного и морского духовенства» и др.

Реконструкция распространенных в обществе образов светской и духовной власти, общественных организаций, внешних и внутренних «врагов» требует привлечения визуальных документов. В работе использовались фотодокументы из фондов РГА КФФД и ЦГА КФФД СПб., лубочные картинки и плакаты (коллекция из фонда Изобразительного отдела Российской государственной библиотеки, коллекция из фонда Государственной публичной исторической библиотеки России, собрания Государственного центрального музея современной истории России, около 500 изображений⁴⁹), иллюстрированные почтовые открытки (коллекция из фонда Изобразительного отдела Российской государственной библиотеки, более 500 единиц), а также журнальные иллюстрации, в том числе карикатуры из журналов «Огонек», «Нива», «Летопись войны», «XX век», «Вестник Европы», «Природа и люди», «Новый Сатирикон», «Стрекоза», «Будильник», «Бич», «Пугач» и др.

⁴⁹ Коллекция из собрания ГЦМСИР опубликована в двухтомнике «Лубочная картинка и плакат периода Первой мировой войны. 1914–1918 гг.» В 2 т. М., 2014; коллекция ГПИБ выложена на сайте <http://vvpmv.shpl.ru/>.

Данная источниковая база исследования представляется достаточно репрезентативной, позволяющей критически рассмотреть массовые действия, слухи, образы, эмоции – то есть все то, что отражало и одновременно формировало массовые настроения рассматриваемого периода.

Методология и методика исследования общественных настроений

Диссертационное исследование проводится в соответствии с принципом историзма, предполагающим изучение процессов и явлений в их связи с конкретно-историческими условиями существования и в процессе их развития. Общественные настроения, менявшиеся под воздействием как внешнеполитических (события на фронте), так и внутривнутриполитических событий, в этом отношении являются показательным предметом. Для этого в диссертации применяются традиционные для исторической работы методы: сравнительно-исторический, историко-генетический, статистический.

Однако предмет диссертационного исследования обязывает также использовать междисциплинарный подход и методологию социально-психологических наук, семиотики, в рамках которых полнее раскрывается источниковедческий потенциал документов. Прежде всего, следует отметить, что материалы перлюстрации, протоколы дознаний, дневники современников интересны своей интертекстуальностью, тем, что включают в себя голоса «молчаливого большинства» — цитируют устные высказывания третьих лиц, т. е. отражают устные исторические источники. Среди последних большое значение для реконструкции массового сознания и настроений имеют слухи, обнаруживающие интертекстуальную природу: в слухах переплетаются и фольклорные мотивы, и актуальная политическая информация, почерпнутая из газет или рассказов «бывалых», и практики повседневной речи (например, обценной), отражаются особенности религиозного мышления (языческие традиции или увлеченность мистическими учениями).

Одним из методов исследования слухов выступает теория интертекстуальности, согласно которой общим свойством текстов (устных,

письменных и визуальных) является наличие связей между ними, определяющих явные или скрытые ссылки друг на друга. Одна из основоположниц этой теории Ю. Кристева признает, что в ее основе лежит теория полифонизма М.М. Бахтина. Также кажется очевидной связь теории интертекстуальности с понятием полидискурсивности, исследовавшимся Р. Бартом и М. Фуко⁵⁰. Выявление разных пластов сельских или городских слухов позволяет не только полнее представить массовое сознание современников, но и обнаружить в них скрытые, не всегда артикулированные страхи и образы.

Структуралистский подход к устным, письменным и визуальным текстам также предполагает использования инструментария семиотики – науки о знаковых системах, использующихся в процессе общественной коммуникации⁵¹. Семиотика, зарождение которой связывается с трудами американского философа и математика Ч.С. Пирса в конце XIX в., довольно быстро нашла применение в источниковедении. Так, в своей классификации источников А.С. Лаппо-Данилевский выделял группу документов не изображающих, а с помощью условных знаков, символов «обозначающих

⁵⁰ См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Barthes R.* The Discourse of History // *Comparative Criticism*. 1981. № 3. P. 7–20; *Link J., Link-Heer U.* Diskurs / Interdiskurs und Literaturanalyse // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. 1990. № 2. S. 88–99; *Фуко М.* Археология знаний. Киев, 1996; *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог, роман // *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 1993. № 4; *Пеше М.* Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // *Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса*. М., 1999. С. 266–270; *Чернявская В.Е.* Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 106–111; *Тубалова И.В.* Фольклор как прототекстовая среда полифонического текста бытовой культуры: к проблеме полидискурсивности // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2009. № 1. С. 96–102; *Белоглазова Е.В.* Полидискурсивность в контексте идей о дискурсивной гетерогенности // *Актуальные проблемы современной лингвистики*. Вып. 2. СПб., 2010. С. 105–111.

⁵¹ *Лотман Ю.М.* Люди и знаки // *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2010. С. 6.

факт» (к которым относил устные и письменные памятники)⁵². То, что Лаппо-Данилевский определял как реконструкцию условных знаков, содержащихся в «обозначающих» источниках, позже семиотики стали называть декодификацией информации⁵³.

Изучение слухов как социально-исторического феномена невозможно без привлечения специальной литературы, тем более что к настоящему времени исследование слухов в социологии и социальной психологии оформилось в такое направление как руморология⁵⁴. Широкая функциональность слухов в обществе (информационная, алармистская, коммуникативная, провидческая и др. функции) превращает их в важный исторический феномен. Ряд социологов (К. Поппер, Р. Мертон) обратили внимание на способность слухов реализовывать недостоверную информацию: согласно теории «самоисполняющегося пророчества» ложное предсказание, кажущееся современникам истинным, будет влиять на поведение людей так, что их действия сами приведут к исполнению этого предсказания⁵⁵.

Вероятно, одним из важнейших достижений руморологии стало признание того факта, что даже искажающий первоначальную информацию слух несет в себе определенные сведения. Так, еще в 1944 г. Р. Кнапп в «Психологии слухов» отметил такую их важную функцию, как выражение эмоциональных потребностей общества⁵⁶. В этом плане руморология

⁵² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Т. 2. М., 2010. С. 42–43.

⁵³ См.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989; Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998; Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2010.

⁵⁴ Stern W. Zur Psychologie der Aussage. Experimentelle Untersuchungen über Erinnerungstreue. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1902. Bd. XXII. Heft 2/3. S. 315–370; Allport G., Postman L. Psychology of Rumor. Russell and Russell. 1951; Knapp R. A Psychology of Rumor // Public Opinion Quarterly. 1944. № 8/1. P. 22–37.

⁵⁵ Merton R. K. Social Theory and Social Structure. Free Press. 1968. P. 477.

⁵⁶ Knapp R. A Psychology of Rumor // Public Opinion Quarterly. 1944. № 8/1. P. 22–37.

сближается с другой современной дисциплиной – эмоциологией, в которой обнаруживается пересечение как естественных, так и гуманитарных наук⁵⁷. Р. Уильямс, а вслед за ним К. Юханнисон пишут о «структуре чувств» определенной эпохи, рассматривая эмоции в качестве социального опыта индивида и группы, характеризующие определенные периоды истории⁵⁸. Для настоящего исследования важность представляют концепции «эмоциональных сообществ», «эмоциональных режимов» и «эмоциональной навигации», введенные в научный оборот Барбарой Розенвейн и Уильямом Редди⁵⁹. На примере социальных конфликтов в России накануне и в период Первой мировой войны показывается столкновение разных эмоциональных практик и роль эмоциональных реакций в процессе революционизации общества, даются эмоциологические характеристики определенным этапам 1914–1917 гг.

⁵⁷ *Zeldin Th.* France, 1848–1945. Vol. 1: Ambition, Love. Oxford: Oxford UP, 1979; *Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // *The American Historical Review.* 1985. Vol. 90. № 4. P. 813–836; *Elias N.* The Civilizing Process. Oxford: Blackwell, 1994; *Reddy W.M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001; *Rosenwein B.H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006; *Gross D.M.* The Secret History of Emotion: From Aristotle’s Rhetoric to Modern Brain Science. Chicago: University of Chicago Press, 2006; Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Ред. Я.Плампер, Ш. Шахадат, М. Эли. М., 2010; *Виницкий И.* Заговор чувств, или русская история на эмоциональном повороте // Новое литературное обозрение. № 117: Семиотика августа в XX веке: трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. 2012; *Плампер Я.* История эмоций. М., 2018.

⁵⁸ *Williams R.* Marxism and Literature. Oxford, 1977; *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, сексе и чувствительности в прежние времена и теперь. М., 2019.

⁵⁹ *Rosenwein B.H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006; *Reddy W.M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001.

Изучение массовых эмоциональных реакций, свойственных уличным толпам, требует привлечения теории психологии толп, возникшей в конце XIX в. в трудах Г. Лебона, Г. Тарда, Н. Михайловского, Х. Ортега-и-Гассета, З. Фрейда, Э. Дюркгейма и др.⁶⁰ Отталкиваясь от теории психологии толпы, немецкий социолог М. Вебер разработал теорию социального действия, в котором выделил несколько форм исходя из возможной мотивации участников: целерациональное; ценностно-рациональное; аффективно-эмоциональное; традиционное⁶¹. В настоящем исследовании показано, что многие массовые действия в 1914–1917 гг. соответствовали признакам аффективно-эмоционального действия.

Использование в диссертации художественных произведений (поэзия, литературные отрывки, печатная графика и пр.) требует также некоторых замечаний методологического характера. Одна из их особенностей — выраженная эмоциональность, что делает их исключительно актуальными в контексте темы данного исследования, т.к. художественные произведения нередко выполняли роль переносчика эмоций. Визуальные произведения, также как информация, передававшаяся в устной и письменной форме, рассматриваются как тексты, имеющие внешние и внутренние связи, структуру, что позволяет провести их декодификацию и интерпретацию⁶².

⁶⁰ См.: *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995; *Тард Г.* Социальная логика. СПб., 1901; *Сигеле С.* Преступная толпа // Преступная толпа. М., 1998; *Михайловский Н.К.* Герои и толпа: В 2 т. М., 1999; *Бехтерев В.М.* Избранные работы по социальной психологии. М., 1994; *Московичи С.* Век толп. М., 1998 и др.

⁶¹ *Вебер М.* Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 455–491.

⁶² См.: Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры / Ред.-сост. Н.Н. Мазур. М.; СПб., 2018; *Варбург А.* Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб., 2008; *Панофски Э.* Этюды по иконологии. СПб., 2009.

Обращение к истории повседневности «маленького человека» в условиях глобальных трансформаций ставит перед исследователем проблему соотношения объективного и субъективного, закономерного и случайного в истории. Эти вопросы на материале революции 1917 г. уже поднимались в советские годы представителями «нового направления», однако в связи с разработкой синергетики как метанауки, которая исходит из нелинейности и сложности социальной реальности как системы открылись новые перспективы. Г. Хакен, К. Майнцер, И. Стенгерс, И. Пригожин, Л.И. Бородкин подчеркивают неустойчивость развития сложных динамических систем, которые характеризуются такими понятиями, как бифуркации (точки разветвления), аттракции (точки притяжения состояния динамической системы) и флуктуации (случайные отклонения, характеризующие хаотичность системы)⁶³. В настоящем исследовании анализ устных слухов, визуальных образов, эмоциональных реакций обывателей в контексте определенной логики внутривнутриполитического развития России, противостояния различных политических групп, позволяет опровергнуть тезис о линейном развитии социума и показать сквозь призму массовых настроений российское общество как сложную динамическую систему, в которой кризисные моменты усиливали значимость стихийных флуктуаций.

Настоящее исследование стоит на междисциплинарном перекрестке. Однако в первую очередь это исследование историческое. Несмотря на использованную методологию, теорию смежных гуманитарных дисциплин, в монографии изучается прошлое не с высоты наукоемких концептуальных схем, а сквозь призму конкретных исторических источников, раскрывающих

⁶³ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986; Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М., 2009; Бородкин Л.И. Вызовы нестабильности: концепции синергетики в изучении исторического развития России // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 127–136.

мышление людей в конкретно-историческую эпоху. Именно приоритет герменевтического подхода, постоянное обращение к историческому документу как главному свидетелю (а также его источниковедческая критика) позволяют разрушить прокрустово ложе монофакторных (социологических, психологических, экономических, политических и пр.) интерпретаций истории, особенно когда речь заходит о таких сложных и переломных периодах, как Первая мировая война и российская революция.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном исследовании рациональных и иррациональных форм массовых настроений с привлечением достижений социальной психологии, эмоциологии, а также в использовании современных подходов к источникам, в первую очередь интертекстуального, в рамках которого устные и визуальные документы рассматриваются как тексты, содержащие разные дискурсивные уровни, благодаря чему проводится реконструкция нарративов массового сознания. В контексте преобладающих сегодня как глобальных интерпретаций объективных причин революции, так и политтехнологических концепций, рассматривающих революцию в качестве заговоров тех или иных элит, научная новизна исследования состоит в выявлении ментальных процессов, внутренних механизмов стихийной самоорганизации общества, что позволяет обнаружить скрытую логику революции.

Научно-практическая значимость работы состоит в возможности привлечения ее результатов в педагогическом процессе, при разработке основных и элективных курсов по отечественной истории, источниковедению, методологии исторической науки.

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа была обсуждена в Центре изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН. По теме диссертации опубликована индивидуальная монография «Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)» М.: НЛО, 2020. 992 с. (62

п.л.), а также главы в трех коллективных монографиях: «Веселие Руси, XX век. Градус новейшей российской истории: от “пьяного бюджета” до “сухого закона”». М., 2007; «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис». М., 2014; «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура». Т. 2. М., 2017. Кроме того, в научных журналах из перечня ВАК опубликованы 25 статей (из них 18 в журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus), четыре статьи переведены на английский язык и опубликованы в российских переводных и зарубежных журналах. Основные положения диссертационного исследования апробировались в выступлениях на международных и всероссийских конференциях, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Самаре, Смоленске, Твери.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Начало Первой мировой войны отнюдь не вызвало всеобщего патриотического подъема в российском обществе. В то время, как часть образованных городских слоев, публицистов, политиков приветствовала начало войны, с которой связывали надежды на реализацию имперских амбиций (территориальной, культурной, религиозной экспансии России) и либеральных политических проектов, в среде рабочих и крестьян война воспринималась как тяжкое испытание. Вместо ожидаемого «всенародного единства» стал усиливаться давно обозначившийся культурный и эмоциональный раскол российского общества.
2. Видимый патриотический подъем общества на деле был многоликим и внутренне противоречивым. Отсюда его неустойчивость и последующие инверсии. Неудачи на фронте и внутренние неурядицы приводили к тому, что положительные эмоции радости, восторга, окрашенные в цвета патриотизма на начальном этапе войны, сменялись чувствами разочарования и внутренней агрессивности. Общественная эмоциональность носила крайне

неустойчивый характер. В феврале – марте 1917 г. последовал новый всплеск – теперь уже революционно-патриотических – чувств и ожиданий.

3. Мобилизация 1914 г., вопреки заверениям властей о ее «успехе», была отмечена чертами скрытого недовольства крестьян и рабочих. Порой оно приобретало черты погрома, направленного против полиции и местной администрации. В дальнейшем новобранцы все чаще демонстрировали нежелание воевать, что проявлялось в массовом дезертирстве, самопоранениях.
4. Пространство сельских слухов отражало особенности народного (синкретического) мышления, в котором исторические факты переплетались с эсхатологическими мифами. Традиционное сознание характеризовалось тем, что внешняя покорность мобилизации сочеталась с глубоким внутренним неприятием войны. В результате последовало разочарование в существующей власти, обратившееся на фигуру царя.
5. Пространство городских слухов ярче всего выявило метаморфозы патриотической пропаганды: германофобская риторика властей и раздуваемая военными шпиономания спровоцировали слухи об измене в верхах, которые стали распространяться на самих представителей власти. В результате российское общество подошло к 1917 г. в состоянии не только социального, но и психологического кризиса. Отсюда возможность перерастания безадресного стихийного бунта в массовый политический протест.
6. В годы Первой мировой войны усиливается дискредитация основных государственных политических символов: церкви, самодержавной власти и народа как военного героя. Расцерковление россиян протекало параллельно росту популярности сектантства и народной религиозности, вследствие чего единая вера переставала играть роль фундамента национального сознания. Участие духовенства, в первую очередь военного, в патриотической

пропаганде, в условиях, когда общество начинало уставать от войны, способствовало развитию антицерковных настроений.

7. Выбранная властями стратегия репрезентации царского образа, соответствовавшая документальной природе военного фоторепортажа, вступила в противоречие с визуальным воображением крестьянства, которому ближе был традиционный облик царя–самодержца. В этих условиях массы легко поверили слухам о «безобразиях», происходящих на вершине власти. Тяготы войны поставили перед традиционным сознанием вопрос о «божьей каре» за царские прегрешения.
8. Народные образы героев Первой мировой — солдата и медсестры — сильно отличались от тех образов героев из народа, которые навязывались патриотической пропагандой. На фоне конструирования патриотического мифа о святом русском воинстве поступающая с фронта неофициальная информация создавала собственные, далеко не героические картины войны. В России создавалось два мифа о войне – официальный и народный – оба расходившиеся с реальным положением дел.
9. В условиях краха традиционных патриотических символов самодержавной России возрастала роль Государственной думы и общественных организаций как новых символов гражданского патриотизма, которые в глазах современников по мере их разочарований в высшей и верховной власти наделялись нехарактерными чертами революционности.
10. Революция 1917 г. была предопределена глубинными социально-политическими противоречиями в империи, рост которых в экстремальных условиях был неизбежен. Массы ощутили их необратимый характер через многочисленные слухи, формирующие негативные эмоции, обращенные к существующей власти. События 1917 г. вызвали сильнейшее нервное потрясение современников – как для сторонников, так и противников существующей власти. Потеря идейных, политических и нравственных ориентиров в массах населения облегчила приход к власти большевиков.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе **«Историография, источники и методология изучения общественных настроений»** рассматривается эволюция взглядов исследователей на проблему динамики общественных настроений в 1914–1917 гг. в рамках конкурирующих, а иногда взаимодополняющих друг друга социально-психологического, классового, социокультурного, антропологического подходов; определяется источниковая база, представленная устными, письменными и визуальными текстами, основу которой составляют источники, имеющие признаки массовых, позволяющие применять к ним квантитативные методы исследования, выделять универсальные приметы времени и исключительные, характеризующие восприятие событий отдельными социальными группами; анализируются возможности современных смежных дисциплин (эмоциологии, руморологии, семиотики), с помощью которых по-новому раскрывается источниковый потенциал ряда исторических документов и становится возможным верифицируемый анализ общественных настроений исследуемого периода.

Во второй главе **«Социальное поведение кануна и периода мобилизации и парадоксы патриотических настроений»** изучается рабочий протест кануна войны и проблемы его восприятия современниками (как начала революции или стихийных хулиганских акций); рассматриваются организованные и аффективные формы патриотических акций первых недель войны, начало формирования официальной патриотической мифологии; исследуются эксцессы мобилизации («пьяные погромы», уклонения от службы, дезертирство, самострельство), опровергающие устоявшийся в историографии тезис о высокой степени патриотической сознательности

новобранцев; анализируется гендерный аспект мобилизации и усиление среди женщин-солдаток протестных настроений; реконструируется идейная и эмоциональная структура патриотических настроений 1914 г. интеллигенции.

Обращается внимание на то, что и в протестных акциях рабочих, новобранцев, и в патриотических манифестациях обнаруживался сильный эмоциональный компонент, становившийся фактором насилия. Характерно, что свидетели беспорядков июля 1914 г. и февраля 1917 г. в Петрограде отказывали событиям в революционном содержании ввиду преобладания стихийного компонента над организованным, в чем обнаруживается недопонимание природы революции. В главе изучается начавшееся в июле 1914 г. военно-патриотическое мифотворчество, одним из самых ярких проявлений которого стала патриотическая манифестация на Дворцовой площади 20 июля 1914 г., собравшая якобы 100-тысячную толпу. В официальной печати, а затем в воспоминаниях и исторических работах, звучал тезис о том, что высокая явка новобранцев свидетельствовала о патриотическом настрое крестьянства. В действительности не учитывался тот факт, что, явившись на сборные пункты, многие призывники требовали медицинского освидетельствования, настаивая на собственной негодности к строевой службе. На этой почве процветали взятки. Образованная уже осенью 1914 г. комиссия по переосвидетельствованию белобилетников выявила минимум 40% призывников, получивших освобождение без должного основания. Анализ социального поведения представителей разных социальных групп, их высказываний в письмах, дневниках позволяет констатировать что война, вопреки пропаганде, становилась уже в первые недели войны не фактором единения власти и общества, а, наоборот, обостряла социально-политические противоречия в империи. Даже исследование собственно патриотического дискурса российской интеллигенции демонстрирует известную амбивалентность: сочетание

взаимоисключающих концепций традиционно-патерналистского, гражданско-демократического и революционного патриотизмов.

В третьей главе **«Сельские и городские слухи как барометр общественных настроений»** изучаются образы верховной власти в крестьянской среде на примере уголовных дел, заведенных по 103 ст. Уголовного уложения (за оскорбление представителей императорской фамилии), распространенность оскорблений в различных регионах империи, социальный, половозрастной состав хулителей; исследуется зарождение коллаборационистских настроений среди крестьян, способы объяснения причин войны; анализируются сюжеты политических слухов городского социума, их динамика в 1914–1916 гг., смешение сельских и городских слухов; реконструируется влияние войны на психическое состояние общества и развитие эсхатологических настроений.

Синкретизм крестьянского мышления и патернализм традиционного сознания, в условиях неприятия сельским населением войны, пришедшейся на разгар сельхозработ, приводил к появлению дискредитирующих власть слухов о предательстве. Показательны метаморфозы образа Николая II, воспринимавшегося некоторыми крестьянами олицетворением зла, воплощением Антихриста; вместе с тем, согласно другим высказываниям, именно Антихрист должен осуществить вековую мечту народа — дать крестьянам землю. Тем не менее массовое оскорбление царя и членов его семьи (в том числе с пожеланиями и угрозами смерти) позволяет говорить о десакрализации императорской власти, внутреннем отречении народа от своего царя. Рациональная городская культура несколько иначе, чем деревенская среда, отреагировала на начало Первой мировой войны. В отличие от неграмотных крестьян, горожане лучше воспринимали и усваивали послы патриотической пропаганды. Вместе с тем распространявшиеся не без помощи военных властей германофобия и шпиономания создавали в обществе нездоровую психологическую

обстановку, способствовавшую тому, что предателей начинали искать и в верховной власти. Другой существенный недостаток информационной стратегии властей заключался в наличии жесткой цензуры, которая, помимо военных сведений, касалась политических и экономических оценок положения в стране. Недостаток печатной информации компенсировался слухами, но если городские и деревенские слухи на первом этапе войны имели разную степень рациональности, то по мере затягивания кризиса даже образованные слои начинали пересказывать абсурдные рассказы. Характерен запрос дворцовому коменданту, отправленный директором Департамента полиции о наличии во дворце телеграфа (по которому якобы императрица сообщала Вильгельму II секретные сведения). Прозванная современниками «войной машин», Первая мировая порождает эсхатологические предчувствия, олицетворявшиеся в образах чудовищных машин. Изучение языка и сюжетов слухов, территориальной распространенности, сословного и возрастного охвата показывает их массовый характер и естественное происхождение.

Четвертая глава **«Православие-самодержавие-народность: дискредитация и инверсия патриотических символов»** посвящена изучению трансформаций тех политических символов, которые с середины XIX в. воспринимались в качестве национальных основ: обращается внимание на усиленное войной расцерковление россиян, конфликты внутри церкви, а также между приходскими священниками и их паствой; исследуется процесс «десакрализации» образа царя вследствие репрезентационных ошибок власти; изучается провал военно-патриотической пропаганды на примере дискредитации образов воинов-героев и сестер милосердия в массовом сознании; анализируются образы депутатов Государственной думы, которым и общественное сознание, и охранное отделение начинают приписывать не свойственную для большинства общественных деятелей революционность.

Уваровская триада, с самого начала являвшаяся искусственной надстройкой, после Первой российской революции утратила связи с реалиями. Первая мировая война способствовала развитию народной (в том числе так называемой «окопной») религиозности, которая отличалась бóльшим мистицизмом и бóльшей ритуальной свободой. Военно-патриотическая пропаганда, которой вынужденно занималось духовенство, усиливала расцерковление общества в условиях роста усталости от войны. Верховная власть допустила репрезентационную ошибку, когда, позиционируя себя в качестве самодержавной, тиражировала «демократические», повседневные образы царя. Глядя на портреты Николая II крестьяне автоматически сравнивали его лицо с лицами своих знакомых и приходили к неутешительным выводам о его умственных качествах. Официальная пропаганда пыталась поддерживать патриотический настрой общества путем конструирования героического мифа, главными участниками которого становились солдаты (чаще других – казаки) и медсестры, а немцы представлялись в качестве дегуманизированных варваров. Однако проникновение в тыл реальных историй о жестокости войны по обе стороны фронта, вкупе с дискредитацией образов работников Красного креста, разрушали официальную «картину войны». Тем более что в условиях роста оппозиционности и повышении актуальности с лета 1915 г. образа внутреннего врага по сравнению с врагом внешним на место официальных «героев» приходили новые – представители общественных организаций, депутаты Государственной думы, что лишь усиливало политический кризис в стране.

Пятая глава **«Психоэмоциональное измерение российской революции»** посвящена исследованию динамики настроений российского общества от февраля к октябрю 1917 г. Обращается внимание на информационный кризис кануна революции, повысивший значимость устных слухов и стихийных факторов; исследуются наиболее

распространенные фобии столичных граждан, которые становятся стимулами социальной активности (погромов, демонстраций, самосудов); изучается новая революционная символика, в которой отражаются надежды и страхи революционизированного общества; изучается психическая динамика революционного социума на примере поступлений душевнобольных в городские больницы, динамика самоубийств, а также реакции психиатров-современников на эти явления.

Несмотря на закономерный и объективный характер революции, хлебный бунт 23 февраля 1917 г., разгоревшийся в политический протест, произошел во многом под воздействием слухов, во власти которых оказалось и общество, и полиция, ожидавшая революционные беспорядки еще 14 февраля. Слухи выражали явные и скрытые общественные фобии (перед голодом, перед полицейскими провокациями и т. д.), поэтому с первых дней революции в ее основу легло стихийное насилие. В так называемый период «медового месяца» общественные настроения характеризовались амбивалентностью: радостью и восторгами по поводу освобождения (воскрешения) России и страхом перед контрреволюцией (слухами о «белых крестах» и «черных авто»). Российская революция, сочетавшая общие как негативные, так и позитивные реакции, оказалась сильным эмоциональным потрясением для публики. Инверсии негативного и позитивного отразились в цикличности эмоциональной динамики 1917 г.: начавшись с тревоги января–февраля 1917 г., она пришла к еще более тревожно-эсхатологическим переживаниям осени 1917 г. Работы психиатров, а также статистика поступлений душевнобольных в городские больницы Петрограда показывают, что 1917 г. стал самым сильным нервно-психологическим потрясением для современников с 1914 г.

В **Заключении** подводится общий итог исследования, отмечается, что в историографии революции с самого начала уделялось внимание социально-психологическим проблемам революции (как в рамках социокультурного, так

и классового подходов). Тем не менее, исследование причин революции в силу доминировавшей политической и экономической истории преимущественно велось с помощью «объективных» показателей. События февраля 1917 г. с точки зрения экономического детерминизма предстают как исключительно реакция на резкое ухудшение экономической ситуации в империи, некоторые авторы ошибочно констатируют начало голода в январе – феврале 1917 г. Для некоторых исследователей объективные показатели заслоняют историческую реальность. Забывается, что всякий человек интерпретирует происходящее через свои субъективные представления о справедливости, личном достатке, социальной защищенности. Так, поводом к февральскому социальному взрыву стал не столько реальный голод, сколько страх перед ним, навеянный соответствующими слухами.

Изучение массовых настроений как отдельных социальных групп, так и характерных для общества в целом позволяет понять те представления о справедливости, власти, ситуации в стране, которые становились стимулами социальной активности современников. Особая источниковая роль в исследовании принадлежит слухам. Слухи не только отражают массовые настроения, но и выполняют несколько важных социальных функций: в условиях падения доверия к официальной информации они по-своему – в искаженной, но действенной форме – восполняют потребность в социально-политической ориентации. Кроме того, обладая особой эмоциональной окраской, слухи отражают психологическое состояние социума. В конечном счете они формируют тот особый эмоциональный, порой алогичный нарратив происходящего, который игнорируется «объективными» показателями. Таким образом, ситуация социально-политического кризиса запускает скрытые психологические механизмы. Во взаимоотношениях власти и общества происходит необратимый кризис доверия, который и делает возможным революционную смену власти.

В **Приложениях** приводятся составленные в результате применения количественных методов графики и диаграммы, отражающие динамику общественных настроений, фотодокументы и печатная графика (лубок, плакаты, журнальные иллюстрации и открытки), фиксировавшие распространенные образы, а также приводится перечень наиболее резонансных тревожных политических слухов, циркулировавших в Петрограде и Москве (июль 1914 – февраль 1917).

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования изложены в следующих публикациях

Монографии и главы в коллективных монографиях

1. *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с. (62 а.л.)
2. *Аксенов В.Б.* Вместо введения, или о князьях, царях и питиях; Свержение царя и воцарение «ханжи» // *Аксенов В.Б., Багдасарян В.Э., Горлов В.Н. и др.* Веселие Руси. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М.: Пробел –2000, 2007. 480 с. (авторский вклад 5 а.л.). С. 4–37, 151–189.
3. *Аксенов В.Б., Булдаков В.П.* Революция и слухи // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис» М.: РОССПЭН, 2014. С. 772–776. (в соавторстве, авторский вклад 0,3 а.л.)
4. *Аксенов В.Б., Булдаков В.П.* Слухи и массовые настроения // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. М., 2017. Т. 2. С. 337–391. (в соавторстве, авторский вклад 1,5 а.л.)

Публикации в журналах, входящих в перечень ВАК и международные библиографические и реферативные базы Web of Science и Scopus

5. *Аксенов В.Б.* Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 года. Проблемы легитимности // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 36–50. (1,5 а.л.)
6. *Аксенов В.Б.* 1917 год в художественном восприятии современников // Отечественная история. 2002. № 1. С. 96–101. (0,5 а.л.)
7. *Аксенов В.Б.* 1917 год: сюжеты и социальные реалии // Отечественная история. 2003. № 6. С. 8–20. (1,5 а.л.)
8. *Аксенов В.Б.* «Сухой закон» 1914 г: от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. № 4. С. 126–138. (1,5 а.л.)
9. *Аксенов В.Б.* Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914 – 1917 гг: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145. (1 а.л.)
10. *Аксенов В.Б.* От игры к самоубийству: социальная активность молодежи в период Первой мировой войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Вып. 2. Тверь: ТвГУ, 2013. С. 51–65. (1 а.л.)
11. *Аксенов В.Б.* Царь в кривом зеркале. Образы монарха и их народная интерпретация в 1914–1917 гг. // Родина. 2014. № 11. С. 31–34. (0,5 а.л.)
12. *Аксенов В.Б.* Социально-психологическая атмосфера российского общества в 1914–1917 гг.: к природе слухов и фобий // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1: История. С. 119–133. (1,5 а.л.)
13. *Аксенов В.Б.* Иррационализация массового сознания обывателей в 1914–1916 гг. как кризис информационной политики земства и государства // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. № 1. 2015. С. 4–21. (1,5 а.л.)
14. *Аксенов В.Б.* Массовые настроения и политическая пропаганда в годы Первой мировой войны. Диалог о книге // Российская история. 2015. № 2. С. 167–170 (0,5 а.л.)

15. *Аксенов В.Б.* Рабочие выступления весны – лета 1914 года в контексте теории революционной ситуации // Вопросы истории. 2015. № 7. С. 109–122. (1,5 а.л.)
16. *Аксенов В.Б.* Вера и массовое сознание: расцерковление россиян в 1907–1917 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Выпуск 6 (39) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000545-8-1> (дата обращения: 27.11.2020). (1,5 а.л.)
17. *Аксенов В.Б.* «Враги России» в журнальной карикатуре // Российская история. 2016. № 5. С. 216–222. (1 а.л.)
18. *Аксенов В.Б.* Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 17–32. (1,5 а.л.)
19. *Аксенов В.Б.* «Черное авто» как символ революционного насилия в 1917 г.: фобия, мифологема, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 112–141. (2 а.л.)
20. *Аксенов В.Б.* Журнальная карикатура как зеркало общественных настроений в 1917 г. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. № 1. 2017. С. 4–17. (1 а.л.)
21. *Аксенов В.Б.* Эмоции как фактор революции. Рец. на: В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева Война, породившая революцию // Российская история. 2017. № 5. С. 24–29 (0,5 а.л.)
22. *Аксенов В.Б., Жердева Ю.А.* Рисунки эпохи: дети, война и революция в пропаганде и творчестве школьников 1914-1917 гг // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 2. С. 487–503. (в соавторстве, авторский вклад 0,5 а.л.)
23. *Аксенов В.Б.* От слуха к мифу: мифологизация сознания как фактор российской смуты начала XX в // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 6 (70). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002222-3-1/> (дата обращения 27.11.2020) (1,5 а.л.)

24. *Аксенов В.Б.* Рец. на: Б.И. Колоницкий. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М.: НЛЮ, 2017. 520 с., ил // Российская история. 2018. № 1. С. 195–202. (0,5 а.л.)
25. *Аксенов В.Б.* Рец. на: В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М.: Истлит, 2017. 624 с. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2018. № 4. С. 187–196. (0,2 а.л.)
26. *Аксенов В.Б.* Техника и ее фобические образы в повседневном сознании российских обывателей в 1914–1916 годах // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 1 (25). С. 38–52. (1 а.л.)
27. *Аксенов В.Б.* Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1–2. С. 272–303. (1,5 а.л.)
28. *Аксенов В.Б.* История революции в психологическом измерении. Рецензия на книгу «Три брата (то, что было): сборник документов» / составители, авторы предисловия и комментариев К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М.: Новый Хронограф, 2019. - 1016 с. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2019. № 4 (52). С. 151–157. (0,5 а.л.)
29. *Аксенов В.Б.* Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 2. С. 455–472. (1 а.л.)

Другие научные публикации

30. *Аксенов В.Б.* Этнофобии петроградцев и москвичей в период Первой мировой войны и революции // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания. Всероссийская научная конференция. Сборник научных статей. М.: Изд-во МГОУ, 2004. С.128–139. (0,5 а.л.)
31. *Аксенов В.Б.* Статистические данные как источник по социально-психологическим процессам начала первой мировой войны и

- революции // Российская история XX века: проблемы науки и образования. Материалы научной конференции. Москва: Изд-во МПГУ, 2004. С.141–143. (0,2 а.л.)
32. *Аксенов В.Б.* 1917 год: социальные реалии и киносюжеты // История страны / История кино. М.: Знак, 2004. С. 56–80. (1,5 а.л.)
33. *Аксенов В.Б.* Некоторые аспекты символической топографии Москвы в период I мировой войны и революции // Москва и Подмосковье: праздники и будни. Всероссийская научная конференция. Сборник научных статей. М.: Изд-во МГОУ, 2005. С. 80–88. (0,5 а.л.)
34. *Аксенов В.Б.* Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 году // Социальная история. Ежегодник, 2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 163–200. (3 а.л.)
35. *Аксенов В.Б.* Женские художественные образы, сексуальное раскрепощение и революционное насилие // Историк и художник. 2005 № 4 (6). С. 119–136; 2006. № 1 (7). С.119–132. (2,5 а.л.)
36. *Аксенов В.Б.* Два Октября: Диалектика мифа и реальности в историко-ироническом диалоге // Историк и художник. 2006. № 3 (9). С. 142–154; № 4 (10). С. 140–152. (2 а.л.)
37. *Аксенов В.Б.* Теоретические основы изучения динамики массового сознания в историческом контексте // 57 научно-техническая конференция. Сборник трудов. Часть 4. Гуманитарные и экономические науки. М.: Изд-во МИРЭА, 2008. С. 30–33. (0,3 а.л.)
38. *Аксенов В.Б.* Социально-психологические последствия принятия «сухого закона» в 1917 году // «Современный демографический кризис и меры его преодоления». Материалы московской городской научно-практической конференции. М.: Изд-во МГУТиС, 2008. (0,6 а.л.)
39. *Аксенов В.Б.* Брачность, семейные отношения и репродуктивное поведение россиян в период первой мировой войны // Материалы всероссийской научной конференции «Семья и брак в России: традиции, обряды, новации. XVII–XX вв». М.: Изд-во МГУТиС, 2008. (1 а.л.)
40. *Аксенов В.Б.* Политическая семиосфера и психологическая динамика российского общества в 1914—1917 гг.: от мистификации

- общественного сознания к революционному психозу // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. Сборник научных статей (к 95-летию Февраля – Октября 1917 г.) М.: ООО «АПР», 2012. С. 22–70. (1,5 а.л.)
41. *Аксенов В.Б.* Убить икону: визуальное мышление крестьян и функции царского портрета в период кризиса карнавальная культуры 1914 – 1917 гг. // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 6. Київ: Інститут історії України, 2012. С. 386–410. (1,5 а.л.)
42. *Аксенов В.Б.* Кризис веры как фактор смуты: расцерковление прихожан в 1905 – 1917 гг. // Смута как исторический и социокультурный феномен. Материалы всероссийской научной конференции 22 – 23 апреля 2013. М.: МПГУ, 2013. С. 251–257. (1 а.л.)
43. *Аксенов В.Б.* Об одной историографической ошибке или к вопросу о визуальной семантике российских революций // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 7. Київ: Інститут історії України, 2013. С. 233–243. (1 а.л.)
44. *Аксенов В.Б.* «Сказка о царе и мировой войне», или опыт реконструкции мифологического дискурса российских крестьян в 1914–1917 гг. // Acta Slavica Iaponica, Tomus 34. 2014. P. 17–47. (2 а.л.)
45. *Аксенов В.Б.* Дискурсивный подход в исследовании массового сознания периода Первой мировой войны: протоколы обвинения крестьян в нарушении 103 ст. Уголовного Уложения 1903 г. // Новая локальная история: по следам интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 201–203. (0,2 а.л.)
46. *Аксенов В.Б.* Трагический нарратив: к вопросу об особенностях самоубийств учащихся в период Первой мировой войны // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 8. Київ: Інститут історії України, 2014. С. 191–203. (1 а.л.)
47. *Аксенов В.Б.* Трансформации массового сознания российских обывателей в 1914–1916 гг.: между фактами, слухами и мифами // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной научной конференции. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 147–152. (1 а.л.)

48. *Аксенов В.Б.* От Родины-царицы к Родине-бабе: Особенности фемининной репрезентации России в годы Первой мировой войны // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. [Электронный ресурс] http://issuu.com/alcoinrussia/docs/4_2015/12?e=5096251/32999580 (дата обращения 27.11.2020) (1,5 а.л.)
49. *Аксенов В.Б.* Погодный фактор российской революции: проблемы историографии и источниковедения // Человек и общество в условиях войн и революций. Материалы III всероссийской научной конференции. Самара: СГТУ, 2016. С. 6–11. (0,5 а.л.)
50. *Аксенов В.Б.* Климат, эмоции и пассажиропоток в истории российской революции: ошибки историографии и перспективы источниковедения // Труды института Российской истории. Выпуск 14. М., 2017. С. 27–39. (1 а.л.)
51. *Аксенов В.Б.* Слухи и мифологемы российской революции: классификация, особенности функционирования, сюжеты // Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного коллоквиума. (Санкт-Петербург, 9–11 июня 1916 г). СПб.: Нестор–История, 2017. С. 337–350. (1 а.л.)
52. *Аксенов В.Б.* «Революционный психоз»: Массовая эйфория и нервно-психические расстройства в 1917 г. // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения. Материалы Международной научной конференции. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 465–474 (0,6 а.л.)
53. *Аксенов В.Б.* Природа как фактор революции: историографические мифы, художественные метафоры, реальные метеоусловия // Проблемы экологической истории/истории окружающей среды. Сборник статей. Вып. 1. М., 2019. С. 39–49. (1 а.л.)
54. *Аксенов В.Б.* Еще один шаг в сторону визуального поворота. Рец.: Гражданская война в образах визуальной пропаганды: словарь-справочник / Под ред. Е.А. Орех. СПб.: Скифия–принт, 2018. – 176 с., 32 с. илл. // Историческая экспертиза. 2019. № 3. С. 273–279. (0,5 а.л.)
55. *Аксенов В.Б.* Июль 1914 vs февраль 1917: была ли «отложенная революция»? // Революции и реформы в XX веке в истории России и Китая. Сб. статей. М., 2019. С. 7–24 (1 а.л.)